А ВОТ ВОПРОС

ПОЧЕМУ В РОССИИ ПОБЕДИЛА КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ?



АРТЁМ КИРПИЧЁНОК

А вот вопрос

Артем Кирпиченок

Почему в России победила контрреволюция? Правые против правды

«Алисторус»
2026

УДК 32
ББК 66.04:60.521.3

Кирпиченок А. И.

Почему в России победила контрреволюция? Правые против правды / А. И. Кирпиченок — «Алисторус», 2026 — (А вот вопрос)

ISBN 978-5-00269-316-0

Советская система была оптимальной для большинства граждан. Уровень социального развития, которого достигла наша страна в те годы, сегодня недостижим. Почему же страна, которая считалась бастионом социализма, распалась? Почему победила контрреволюция? Почему наше общество в начале 1990-х решилось на коллективное самоубийство? Почему советское государство распалось? Какую альтернативу предложили ей либералы? На эти вопросы отвечает книга яркого современного мыслителя, тонкого публициста, которому удалось показать скрытую суть ключевых явлений политической жизни последних тридцати лет. Это не только картины недавнего прошлого, но и проекция в будущее. Каким оно будет? Какие принципы, какие интересы стоят за политическими силами, которые борятся за власть? Спор левых и правых продолжается. Эта увлекательная п мудрая книга поможет вам правильнее ориентироваться в хитросплетениях политики. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 32
ББК 66.04:60.521.3

ISBN 978-5-00269-316-0

© Кирпиченок А. И., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Вместо введения 7
От революционной эпохи к долгой паузе 7
Долгая революция 7
Причины поражения 10
Результаты 11
Вместо эпилога 13
Горизонтальные структуры против рабочих партий 14
Нужны ли нам господа? 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Артем Кирпиченок
Почему в России победила контрреволюция? Правые против правды

А ВОТ ВОПРОС

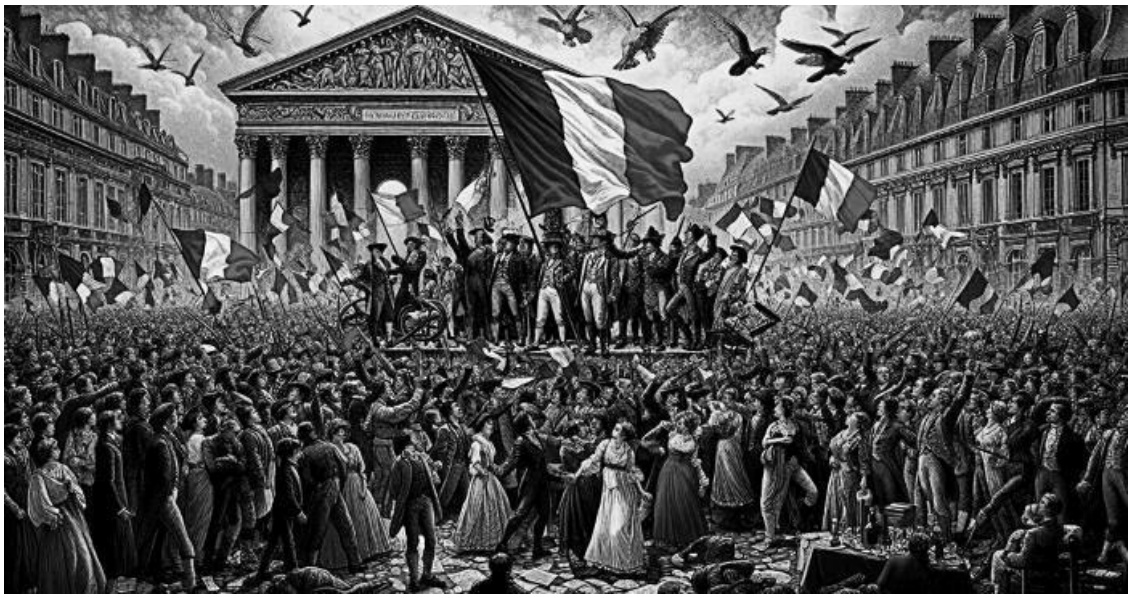
Серия «А вот вопрос»



© Кирпичёнок А. И., 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026

Вместо введения

От революционной эпохи к долгой паузе



Великая Французская революция

Мы ведем отсчет Нового времени с начала XVI века, как правило, связывая его с двумя глобальными историческими событиями: открытием Нового Света и Реформацией. Некоторые добавляют к этим событиям падение Византии, завершившее историю Восточной Римской империи, а также культурную революцию своего времени – Ренессанс. Не отрицая значения этих исторических переворотов, я хотел бы заметить, что порой мы не видим за деревьями леса, под которым подразумевается великая социальная революция XVI–XVII веков, охватившая в указанный исторический период всю территорию европейского континента. В последние годы западная историография рассматривает XVI век как время общеевропейской гражданской войны, однако современные левые историки до сих пор не уделили этому явлению заслуженного внимания. Причина такого пренебрежения, возможно, заключается в том, что марксистская историческая традиция уходит своими корнями в более позднюю эпоху Просвещения, от которой и ведется хронология современных социальных движений. Но так ли справедлива эта оценка, и не нуждается ли она в пересмотре?

Долгая революция

Вопреки существующим в обществе стереотипам, великие революции – это прерогатива не бедных и отсталых, а богатых и процветающих обществ. Революция – следствие углубляющихся противоречий между стремительно развивающимися производственными силами и отсталостью социальной структуры общества. Ни Нидерланды в XVI веке, ни Англия в XVII веке, ни Франция в веке XVIII ни в коем случае не были отсталыми странами. И даже русская революция была выступлением наиболее развитых и передовых регионов Российской империи – Петербурга, Прибалтики, Финляндии, Москва, Донбасса, Урала.

«Революции бедных» – это так называемые «оранжевые революции», управляемые политические перевороты с реакционной антисоциальной повесткой, когда под аплодисменты люм-

пенизированной толпы дона Мигеля сменяет очередной дон Педро. Причем такие перетасовки элиты в «банановых республиках» третьего мира – от стран Африки и Латинской Америки до Украины – всегда направляют общество назад, к деградации, отсталости и архаике.

Европа на рубеже XV–XVI вв. стремительно развивалась и богатела. Так, население Германии превысило 13 млн человек. Из них около 2 млн жили в городах, где бурно росла промышленность – горное дело, обработка металлов, текстильные мануфактуры, книгопечатание. Германские ткани пользовались большим спросом на ярмарках в Шампани, в швейцарских кантонах и в Нидерландах. Невиданных успехов достигло банковское дело: аугсбургские банкиры – прежде всего дом Фуггеров и дом Вельзеров – проводили финансовые операции в общеевропейских масштабах и даже получили от императора территорию современной Венесуэлы под залог своих огромных кредитов. А с ними конкурировали купцы городов Северной Италии.

Основной подушный налог, выплачиваемый французским крестьянством за время правления короля Франциска I возрос с 9 до 16 миллионов ливров. Для освобожденного от крепостной зависимости французского крестьянства первая половина XVI столетия стала в некотором роде «золотым веком», чему способствовали высокие цены на продукты питания. В 1536 г. Франциск I даровал льготы иностранным фабрикантам, были заведены фабрики шелковых изделий, а в Фонтенбло основана мануфактура для тканья ковров. Экономический бум наблюдался и в остальных европейских странах – от Испании до далекой Московии.

Открытие Америки и начало эксплуатации природных ресурсов этого континента привели к крупнейшим инвестициям в европейскую экономику, что, с одной стороны, подстегнуло ее развитие, а с другой – вызвало сильнейшую инфляцию («революцию цен») дестабилизировавшую сложившийся веками статус-кво. Приток заокеанского золота и серебра обесценил отчеканенные в Европе монеты, а результаты этого процесса можно проследить на примере все той же Франции. Произведенные в ней товары – сукно, полотна, стеклянные и металлические изделия, – подорожали настолько, что стали неконкурентоспособными в странах, до которых еще не докатилась «революция цен». Они уже не находили сбыта за пределами Франции. Это привело к экономическому кризису и массовому недовольству ремесленников и купцов.

У нас принято рассматривать ныне существующую капиталистическую систему как «естественный порядок» вещей. Для европейца XI–XV веков подобное утверждение было нелепой ересью. По его мнению, «естественный порядок» вещей выглядел совершенно иначе и сводился к знаменитой картинке отца Федора из «12 стульев»: «Хам пшеницу сеет, Сим молитву деет, Яфет власть имеет». Первое сословие молится, второе сословие правит, третье сословие обслуживает монахов и воинов – это положение дел считалось предопределенным свыше порядком, а выступать против него было не просто бунтом, но богохульством.

Но на этот божественный «естественный порядок» подняли руку германские князья, конфисковавшие на первом этапе Реформации священную собственность святой матери-церкви. Существующий «естественный порядок» вещей покачнулся и рухнул. Вслед за князьями выступили огромные массы людей: крестьяне, городская буржуазии, мелкое дворянство пришли в движение, и значительная часть Центральной Европы оказалась в огне гражданской войны. Крестьянские армии маршировали по дорогам Германии, Чехии, Венгрии и Силезии. А радикальные секты захватывали власть в городах, основывая коммуны на принципах всеобщего равенства.

Умеренные деятели Реформации выдвинули программу, которая представляла собой план буржуазных преобразований. Они требовали усиления центральной власти и ликвидации княжеского произвола. На место кулачного права должны были прийти обязательные для всех законы, а вместо сословных привилегий общество должно было получить систему прав и обязанностей, единую систему мер, весов и денег.

Постепенно революционное движение охватило практически всю Европу. В 1521 году в Испании выступили городские общины Кастилии – коммунерос. Нидерланды восстали против испанского владычества и начали многолетнюю борьбу за свободу, а Франция постепенно была втянута в многолетнюю гражданскую войну, которая едва не закончилась ограничением королевской власти в стране. «Какого короля? Мы сами короли, а тот король, о котором вы говорите, всего лишь маленький кусочек королевского дерьма! Мы отхлестаем его розгами и отдадим в подмастерья. Пусть его научат какому-нибудь ремеслу, чтобы он мог заработать себе на жизнь, как все другие», – заявила делегация гугенотов из Сен-Мезара в 1563 году.

В 1588 году, во время всеобщего парижского восстания, – «Дня Баррикад», – Католическая лига потребовала дать Генеральным штатам право выбора короля, контроль над назначением высших сановников и контроль над финансами государства. Профессора Сорбоннского университета освободили французов от королевской присяги. По улицам маршировали колонны фанатиков с факелами, которые гасили по команде, восклицая: «Так да погасит Господь династию Валуа!» В итоге 1 августа 1589 года король Генрих III был отправлен в лучший мир без всякой гильотины и судебного фарса – усилиями богобоязненного брата Жака Клемана.

К началу XVII века гражданская война продолжалась и на территориях Русского государства, где по итогам Смуты казачество и простолюдины добились воцарения династии Романовых, в противовес иностранным кандидатам на царский трон, за которыми стояло боярство. «Московские простые люди и казаки по собственному желанию и без общего согласия других земских чинов выбрали великим князем Федорова сына, Михаила Федоровича Романова, который теперь в Москве. Земские чины и бояре его не уважают», – констатировал через пять дней после коронации новгородец Федор Бобыркин. А литовский гетман Лев Сапега написал своему пленнику Филарету: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки донцы». Однако новые русские цари быстро приступили к сворачиванию любой вольницы, противостоявшей самодержавию – опираясь на оправившееся после Смуты дворянство.

В 1640 году началась революция в Англии. 1648–1649 гг. – время Фронды во Франции, последний серьезный бой, данный французскими сословиями наступающему абсолютизму. Лишь немногие регионы в Европе не были затронуты грандиозным социальным движением, которое явилось настоящим знамением времени. Причем примечательно, что драма социальных революций разворачивалась на фоне великих географических открытий, научных достижений, выдающихся прорывов в области культуры.

Перепуганные придворные историки и монастырские хронисты описывали эти восстания со смесью отвращения и ненависти. Всякое насилие, совершенное крестьянами и горожанами, смаковалось во всех подробностях. Хотя, впрочем, история XX века учит, что от историков правящего класса трудно ожидать объективного освещения народных движений. Реальность же была более сложной. Историк Теодор Шанин писал о том, как хроника 1525 года рассказывала о «жестоком, ужасном и бесчеловечном восстании крестьян в Тироле». Но требования крестьян не могли не вызвать возмущения просвещённого хрониста – ведь они добивались отмены правовых привилегий духовенства и дворянства, открытия университета, свободного выбора судей и присяжных, превращения монастырей в больницы и приюты, «честных цен» на продовольствие и общественного контроля над рудниками. А в других регионах восставшие требовали упразднения так называемых новшеств – то есть крепостнических повинностей, введённых господами в последние десятилетия.

Начавшаяся под лозунгами Реформация за сравнительно короткое время прошла несколько характерных этапов. Сначала из кружка просветителей и гуманистов раздавались робкие призывы к реформам – которые, к примеру, звучали от круга соратников Эразма Роттердамского. Затем последовала княжеская Реформация – начало революции, инспирированное социальными верхами. Потом практически всю Центральную Европу – от Нидерландов

до Венгрии – захлестнула народная реформация, движение анабаптистов, утопических коммунистов и прочих «большевиков» своего времени. Эти «бешеные» были утоплены в крови совместными усилиями католической реакции и умеренного крыла. А затем настало время Жана Кальвина и кальвинизма.

Вольтер говорил: «Кальвин широко раскрыл двери монастырей, но не для того, чтобы все монахи вышли из них, а для того, чтобы загнать туда весь мир». В то же время Кальвин создал самую эффективную структуру для противоборства в европейской гражданской войне, а сама кальвинистская община была прообразом воинствующих политических партий позднейших эпох. Историк Ж. Мишле писал: «Если нужен был человек для сожжения и колесования, этот человек стоял уже наготове в Женеве – он поднимался и шел на смерть, прославляя бога и распевая псалмы».

Кальвинисты добились известных успехов в Швейцарии, в Нидерландах, в Шотландии и в дальнейшем в Англии, но революционная идеология кальвинистов не устроила большинство европейцев. Массы ориентировались на более радикальные секты, а дворянство склонялось к лютеранству или реформированному католицизму. Вслед за кризисом идеологии революционная волна в Европе стала спадать, радикалы терпели военные и политические поражения. Финалом этого процесса стала страшная Тридцатилетняя война, которая фактически стерла с лица земли целые страны и уничтожила миллионы людей, доведя выживших до скотского состояния.

Причины поражения

Можно указать четыре причины поражения революционного движения раннего Нового времени.

Первая причина – это внутренние разногласия внутри революционного лагеря. Например, во Франции протестантская и католическая буржуазия ненавидели друг друга гораздо сильнее чем церковь, дворянство или королевскую власть. Эту ненависть порождали не столько религиозные догматы, сколько конкуренция – к примеру, из-за отказа от многочисленных церковных праздников у протестантов было гораздо больше рабочих дней. Это разрушало старую цеховую этику и позволяло им более успешно конкурировать с католиками. Кальвинисты, выражавшие интересы зажиточной городской буржуазии, активно выступали против плебейских течений в Реформации, а сам Кальвин считал анабаптистов безбожниками. Впрочем, массы тоже не питали особой симпатии к кальвинистам, с их людоедской элитаристской доктриной предопределения.

Второй причиной был невиданный по жестокости террор. Геноцид как способ борьбы с инаковерующими был старой европейской традицией со времен Карла Великого и альбигойских походов, но в годы европейской гражданской войны XVI века резня приняла невиданные масштабы. Знаменитая Варфоломеевская ночь – это самый известный, но далеко не самый кровавый пример такого насилия. Крестьянские выступления в Германии и в Венгрии подавляли несравненно более жестоко.

В Германии в ходе подавления крестьянского движения было убито более 100 тыс. крестьян. Дворяне и их приспешники выкалывали восставшим глаза, чтобы тем было неповадно читать Библию и искать в ней «божьего права». В 1528–1529 гг. были схвачены и казнены тысячи радикальных анабаптистов, в том числе и все известные ученики Мюнцера. Как всегда, неистовствовала прикормленная интеллигенция, у которой на дворе всегда был 1993 год. В своем памфлете «Против разбойничьих и грабительских шаек крестьян» Мартин Лютер писал: «Каждый, кто может, должен рубить их, душить и колоть, тайно и явно, так же, как убивают бешеную собаку». Великий художник Альбрехт Дюрер увековечил окончание Великой крестьянской войны саркастической гравюрой – проектом памятника в честь победы над восстав-

шими. На ней изображён пронзённый господским мечом крестьянин, сидящий на колонне из молочного кувшина, вил, лопаты и других предметов крестьянского быта.

50 тысяч крестьян было убито в Венгрии после подавления восстания Дьёрдя Дожи – которое охватило и Закарпатскую Украину. «Трупы крестьян лежали тысячами вдоль улиц и на околицах сожженных сел», – описывали современники эту бойню. Самого лидера повстанцев короновали раскаленной короной, а затем, поджарив на металлическом троне, разорвали на куски. Остатки его тела скормили сподвижникам Дожи, которых перед этим несколько дней морили голодом. Характерно, что венгерские дворяне боялись крестьян несравненно больше, чем турок, которые легко захватили обескровленную страну. Заживо зажарены были и вожди крестьянского восстания в Словении. Правящие классы задались целью преподать массам урок, который не будет забыт в веках. Как мы увидим ниже, нельзя не признать, что это получилось у них неплохо.

Третьим фактором стала активная идеологическая борьба. Феодальный лагерь смог реформировать свою идеологию. Этот процесс начался на Тридентском соборе 1545 года и нашел свое продолжение в католической Антиреформации. Важный упор был сделан на образование, особенно на повышение культурного уровня элиты и деятелей церкви. Одни лишь иезуиты основали 24 университета и 600 коллегий. Массовому образованию через чтение Библии было противопоставлено элитарное просвещение для правящих классов.

На стороне контрреволюционного лагеря оказались не только интеллектуалы, но и деятели культуры – ведь реформа и революция шли рука об руку с «иконоборчеством», уничтожением видимых символов католической веры. Это не могло вызвать симпатию ведущих скульпторов, живописцев и драматургов своего времени, основными заказчиками которых была католическая церковь и крупнейшие феодалы. Тициан, Веласкес, Лопе де Вега посвящали свои творения борцам с еретиками и неверными.

Последним в списке – но не последним по важности – стал фактор перестройки феодальной экономики под новые условия хозяйства. Центральная и Восточная Европа превратилась в «европейскую деревню», важнейшего поставщика зерна для более развитых стран Запада. В Англии и Нидерландах землевладельцы стали осваивать новые капиталистические методы ведения сельского хозяйства. Феодализм смог адаптироваться к новым экономическим условиям и продлить свое существование еще на три столетия.

Результаты

Вестфальский мир 1648 года подвел черту под эпохой войн и революций XVI–XVII вв. В советских учебниках и книгах это соглашение нередко связывали с «поражением лагеря реакции» – но так ли это на самом деле?

Ведущей державой на континенте стала Франция, страна где королевская власть сумела прийти к компромиссу с дворянством, а затем навязала свою волю всем остальным сословиям. Установившийся там абсолютистский режим несколько напоминает знакомую всем нам «управляемую демократию». Крупным феодалам, изъявившим верность трону, была гарантирована близость ко двору, доступ к государственным средствам, неслыханное обогащение и самое главное – гарантия неприкосновенности их феодальных привилегий на следующие 140 лет. Упрямцев, не желавших расставаться с политической властью, унаследованной от предков-баронов, ждала Бастилия или плаха. С третьим сословием не церемонились вообще. Крестьянские восстания были подавлены железом и кровью, а с буржуазией – в лице парижского парламента – провели разъяснительную работу, завершившуюся легендарной фразой «короля-солнца»: «Государство – это я!»

Платой за феодальную диктатуру стали бесконечные и не слишком удачные войны за господство в Европе, регулярный голод, продолжавшийся до начала XVIII века, консервация

архаичных экономических и политических структур. Французский абсолютизм часто называют «прогрессивным» – но в чем выражается эта «прогрессивность», и почему абсолютизм не был прогрессивным в той же Англии, при Карле I? Этот режим не способствовал подготовке почвы для капитализма – напротив, он где только можно законсервировал феодальные пережитки, а внутренние таможни, отсутствие стандартов мер и весов сохранились во Франции чуть ли не до 1789 года. Проекты просвещенных министров – по созданию колониальной империи, созданию флота и развитию мануфактур – неизменно терпели неудачу.

В актив того времени можно занести разве что блестящую жизнь дворянства, элегантную придворную культуру, насмехавшуюся над «мужичьем» (мольеровская «палка-палка – бей не жалко»), и множество королевских замков, превращенных в наши дни в общедоступные музеи. Королевский министр Жан-Батист Кольбер утвердил список выплат постоянных пенсий ведущим литераторам и ученым Европы. Вольер получал 1000 франков в год, Расин и Корнель – по 2000 франков. Другими словами, нынешние Манские и Сокуровы обходятся правящему классу куда дешевле.

Что же касается «лагеря реакции», его поражение было далеко не столь полным, как хотели бы некоторые советские историки и обществоведы. Австрия благополучно отбилась от своих многочисленных врагов и в последующие годы даже смогла расширить свое влияние на Балканах и в Италии. Испания вошла в период глубокого упадка, но сохранила свою империю. А дворянство и церковь чувствовали себя в этих странах так же уверенно, как и сто или двести лет назад.

Можно ли сломить волю целого народа? Пример Венгрии и Чехии, к сожалению, позволяет дать утвердительный ответ на этот вопрос. После разгрома крестьянской революции начала XVI века и последовавшего за ним террора Венгрия не знала крестьянских восстаний всю свою последующую историю. Разоренная и ограбленная до нитки Чехия, часть населения которой была вырезано или умерло от голода, – сократившись с 3 миллионов до 780 тыс. человек, – превратилась в самую мещанскую страну Европы, известную лишь своими героическими капитуляциями.

Самая трагическая судьба ждала Германию – страну, которая стала центром Реформации и последовавшего за ней революционного движения. Поделенная на несколько сот крохотных государственных образований, она превратилась в проходной двор великих держав. Управляющие бесчисленными княжествами, епископствами и герцогствами правители усердно подражали в государственных делах Людовику XIV, установив в своих владениях абсолютистские режимы. Правда, в отличие от французского образца, германский абсолютизм получился диким и варварским. Правитель княжества Ансбах Карл-Фридрих-Вильгельм развлекал свою любовницу, подстреливая из ружья трубочистов на крышах. А другой суверен, граф Лейнинген-Бонтерблюм, был обвинен в 1770 году «в ужасном богохульстве, намеренном смертоубийства, отравление, двоеженстве, оскорбление величества, истязании своих подданных и непозволительно дурном обращение с чужими, а также с духовными особами». Все свои доходы они тратили на придворную роскошь и на армию.

Карл-Теодор Пфальцский из бюджета в 3 миллиона гульденов выделял 200 тыс. гульденов на оперу, 100 тыс. на конюшни, 80 тыс. на охоту и 60 тыс. на замки и княжеские сады. Придворный штат Пфальца насчитывал 1800 человек. А ведь была еще и армия, которой командовали один генерал-фельдмаршал, один генерал-фельдцейхмейстер, 9 генерал-лейтенантов и 10 генерал-майоров – при общей численности в 5 тыс. солдат. Средства на эти забавы выколачивались налогами или торговлей собственными подданными, превращенными в недорогое пушечное мясо, – что роднит их с некоторыми современными восточноевропейскими демократиями.

Крепостное право, которое в XVI веке практически исчезло, возродилось на новом уровне. Спрос на зерновые культуры и нехватка рабочих рук побудили помещиков от Эльбы

до Волги прикрепить крестьян к земле и обречь их на рабский труд. Промышленность Германии оказалась в полном упадке. Мрачная статистика отражала еще более мрачную реальность. Если в 1656 г. в городе Оснабрюке (важном центре сукноделия) 189 мастеров изготовляли 3156 штук сукна, то в 1679 речь шла уже о 104 мастерах и 1280 штуках сукна, а в 1693 г. в городе оставалось 50 мастеров-сукноделов, изготовлявших 544 штуки сукна соответственно. Аналогичную картину можно было видеть в Баварии. В 1780 г. там было изготовлено 5 тыс. штук сукна, когда за 100 лет до этого баварские сукноделы производили до 70 тыс. штук сукна в год.

Тысячи обнищавших и безработных немцев были вынуждены эмигрировать, спасаясь от нужды. Торжество феодализма крушило не только экономику, право и жизни, но и души людей. Образование пришло в упадок – обеднел даже немецкий язык. Упадок промышленности заставил купцов и ремесленников переключится на обслуживание княжеских и герцогских дворов. Портные, каретники, оружейники смогли добиться в этих центрах известного процветания. Правда, за это они были вынуждены поплатиться своей свободой. Как писал советский историк А. Эпштейн, «пробавляясь в роли княжеских поставщиков, доверенных лиц и откупщиков, они каждодневно изощрялись в изворотливости, угодливости и низкопоклонстве».

Такова была цена победившей контрреволюции – авторитарные режимы, упадок экономики, науки и культуры, духовное и физическое рабство для народа. Целых 140 лет, вплоть до Великой французской революции, на континенте торжествовала реакция. Это, конечно, не значит, что Европе царили мир и стабильность. Люди миллионами гибли от голода, тотальных войн, рабского труда. В 1693–1694 гг. от голода во Франции умерло до 2-х млн человек, а в 1709–1710 гг. – около 1,5 млн. Суровую повседневную реальность тех дней отражает знаменитая сказка «Мальчик с пальчик» (1696 г.), где крохотный ребенок (низкий рост являлся следствием плохого питания) чуть было не стал жертвой злого людоеда.

В этом темном царстве были два луча света – победившая буржуазная революция в Голландии и частично победившая революция в Англии. Тезис «Иной мир возможен» был доказан на практике. Правда, цена за это тоже была велика – ведь ранний капитализм английского и голландского образца вполне мог ужаснуть самых преданных борцов за «царство Божие на земле».

Вместо эпилога

Сегодня позади нас еще одно великое революционное столетие и еще одно великое поражение передовых сил. С первых лет XX века народы сражались за свободу под лозунгами коммунизма и социализма. Для перечисления всех восстаний и революций того времени потребуется несколько страниц – можно лишь отметить крупнейшие революционные циклы, такие как 1917–1921, 1944–1949, 1968–1981 годы.

Но в начале 1990-х годов капитализм и реакция одержали сокрушительную победу. Причем «отмена социальных противоречий» и «новое постиндустриальное общество» не отменили войны и противоречия – народы оказались вовлечены в новые, еще более кровопролитные и варварские конфликты. Миллионы людей заново знакомятся с голодом и нищетой, а отчаяние уже сейчас порождает голодные бунты. Но без социалистической идеологии они имеют не больше перспектив на успех, чем голодные бунты во Франции при «короле-солнце».

На дворе время оголтелой политической реакции, экономического упадка и культурного регресса. Сколько оно продлится на этот раз – 100, 140 лет или больше? На сколько растянется период варварства, сменивший эпоху социального, экономического и политического подъема? Это пока не ясно. Но не исключено, что зима будет долгой.

07.05.2021

Горизонтальные структуры против рабочих партий

Несколько лет тому назад я писал серию статей, посвященных европейским революциям начала XX века. В рамках данного проекта меня и моего редактора очень интересовал вопрос – почему в 1918–1922 годах революционное движение, охватившее десятки стран на всех континентах, не затронуло такие державы как Англия, США и Франция? Ответ на этот вопрос, казалось бы, лежал на поверхности – все эти державы вышли победителями из Первой мировой войны; но данная трактовка событий представлялась нам упрощенной и не исчерпывающей. Было отмечено, что речь шла о старейших капиталистических государствах, правящие классы которых уже отработали механизмы политической и культурной гегемонии; что колониальные империи могли компенсировать военные издержки населения за счет эксплуатации заморских владений; что полученные от Германии многомиллиардные репарации несколько сгладили остроту послевоенного кризиса. Но все же один важный момент был нами упущен.

Лев Троцкий в статье «Еще раз о Советах и Партии в пролетарской революции» видел причину неудачи европейской революции в отсутствии революционной партии трудящихся. Если в большинстве европейских стран социал-демократы и коммунисты оказались не на высоте стоящих перед ними задач, то в странах-победителях их просто не было. В США рабочие организации (ИРМ, Социалистическая партия) были раздавлены полицейскими репрессиями. В Англии лейбористская партия, основанная в 1918 году, только находилась в процессе своего формирования. Социалистическая партия Франции, напротив, пребывала в состоянии брожения и раскола, который закончился возникновением Французской коммунистической партии.

Невозможно отрицать тот факт, что рабочие партии играли ключевую роль во всех успешных пролетарских революциях XX века. Русская революция – это большевики, меньшевики, эсеры. Китайская революция – это Компартия Китая. Испанская революция – это коммунисты, анархисты, ПОУМ, социалисты. Конечно, если верить исследователям-анархистам, все эти партии только и делали, что предавали революцию и вставляли палки в колеса революционным массам, но почему-то без них революции не совершались вовсе.

В середине XX века многие пролетарские партии стали сдвигаться вправо, и в них начались процессы бюрократического перерождения, что сделало их объектами критики со стороны «новых левых». Именно тогда получили распространение идеи «горизонтальной», «неавторитарной» организации революционных масс. Хотя забавно, что в конечном итоге большинство активистов революционной волны 1967–1974 годов «локализовались» во вполне «авторитарных» маоистских, троцкистских и социал-демократических партиях или ушли в либеральное «зеленое» движение.

К сожалению, «неавторитарные» идеи продолжают преследовать левое движение. После 1991-го года они обрели второе дыхание. Чем больше вырождались традиционные левые партии, тем большей популярностью пользовались «горизонтальные» и «сетевые» организации. Впервые они заявили о себе в эпоху «социальных форумов», которые в конечном итоге стали идеальным свистком для выпуска пара социального недовольства из идущего полным ходом паровоза рыночных реформ. Бунты 2008–2012 годов и «Арабская весна» обогатили мифологию этого движения. «Против всех!», «Против партий!», «Твиттерная революция!» – эти словосочетания звучали и на американских «оккупаях», и на «ассамблеях» в Испании.

Но вот незадача. И в Европе и в Америке «неавторитарное» и «горизонтальное сопротивление», вооруженное фейсбуками и айфонами, было без особых затруднений разогнано авторитарной, централизованной и милитаризированной полицией. Картина столкновения держащих мобильники над головой демонстрантов и полицейских с дубинками наперевес напоминала известную сцену из приключений Ходжи Насреддина:

«Обуянный гневным неистовством, Агабек выхватил из пояса тыквенный кувшинчик с волшебным составом.

– Лимчезу! Пуццгу! Зомнихоз! – грозно возопил он, брызгая из кувшинчика на стражников. – Каламай, дочилоза, чимоза, суф, кабахас!

– Держи его! Держи! Хватай! Вяжи! Тащи! Не пускай!.. – разноголосо отвечали стражники своими заклинаниями.

Их заклинания, как и следовало ожидать, оказались неизмеримо могущественнее…»

В арабских странах по итогам «арабской весны» к власти пришли не свободные сообщества виртуальных индивидуумов, а вполне традиционные буржуазные партии исламской или либеральной направленности – с членскими взносами, секретарями по идеологии, службами безопасности, партийной прессой и т. д.

Для левых же лозунг «против партий» оказался своего рода coup de grâce. Ведь он стал популярен среди недовольных и молодежи – потенциальных избирателей социалистов и коммунистов. В результате сторонники правых дружно отправились на выборы, в то время как избиратели левых остались дома или пошли голосовать за популистские партии-«однодневки». Хорошей иллюстрацией этому могут служить недавние выборы в Израиле и в Италии (речь идет о 2013 годе. – *А.К.*). Несмотря на мощные социальные выступления, имевшие место в этих странах, левые партии фактически исчезли из политической жизни вышеуказанных государств Средиземноморья. Зато в израильский кнессет и в парламент Испании прошли либертарианская партия «Еш Атид» и блок любителей коньяка.

Как это ни печально, но приходится признать, что двадцатилетнее строительство «неавторитарных» и «горизонтальных» структур стало для политических организаций левых своего рода «психоделической революцией». Вместо организаций с четкой революционной программой и с твердым намерением прийти к власти для реализации своей программы мы имеем сборище атомизированных индивидуумов и рыхлые группы, которые, с разрешения муниципальных властей, способны на несколько недель «освободить» пару сотен квадратных метров городского пространства.

Как и столетие назад, единственным средством завоевания и удержания власти остаются партии. Во всем мире – от США до Туниса – буржуазия не намерена отказываться от этого инструмента. Партии были ударной силой абсолютного большинства пролетарских революций прошлого столетия, и только партии могут обеспечить преемственность политического курса (серьезная проблема, с которой сегодня столкнулось революционное движение Венесуэлы).

Конечно, это не означает, что нам следует молиться на зюгановскую КПРФ или на компартию Франции, которая недавно одобрила интервенцию в Мали. Лучшую оценку этих организаций дает цитата уже упомянутого выше Троцкого: «Ничего не стоит та партия, которая не ставит своей целью захват власти».

Это также не значит, что мы должны копировать ошибки, допущенные революционерами и «партстроителями» прошлого. Но если в ближайшие годы мы увидим пролетарскую революцию, то в ее авангарде будет именно рабочая партия.

28.02.2013

Нужны ли нам господа?

На протяжении почти тысячи лет феодализм был господствующей экономической, политической и социальной моделью. Столь впечатляющее долголетие нельзя объяснить исключительно присутствующими в феодализме элементами насилия – внеэкономического принуждения крестьянского сословия. Любопытно, но и крестьяне могли рассчитывать на определенные преференции со стороны господина. Прежде всего феодал обеспечивал им военную защиту от разбойников, других феодалов или от нападений соседних народов – что было особенно актуально в приграничных зонах. Феодал вершил правосудие, оказывал покровительство своим подданным в их контактах с внешним миром, а также, в экстренных случаях, мог предоставить и экономическую помощь. В этом смысле уместно напомнить, что сегодня мы получаем от капиталиста одну только зарплату.

Идеологическая легитимация европейского феодализма также была куда более основательна, чем вся нынешняя пропаганда капитализма. Первоначально феодализм был патриархален, и зачастую господин выступал для своих подданных в качестве «отца семейства». К этому периоду относится и достославный обычай «права первой ночи», благодаря которому землевладелец был отцом многих своих подданных отнюдь не в переносном смысле. Понятно, что отнюдь не все были готовы поднять руку на строгого, но справедливого батюшку.

С развитием христианства апология феодальной системы стала более изысканной, но еще более непробиваемой. Все люди были объявлены потомками трех сыновей Ноя: Сима, Хама и Иафета. Согласно Библии, Хам надругался над своим отцом и был за это наказан – отдан в услужение своим братьям. На протяжение сотен лет священники и монахи объясняли крестьянам, что они и есть потомки Хама, дворяне – это потомки Иафета, а священники – потомки Сима. Учитывая отсутствие других авторитетных источников информации, у общественности подобная легенда вопросов не вызывала. Да и сам внешний облик дворян – белокожих, более рослых, сильных и крупных, благодаря лучшему питанию, а порой даже грамотных, – ярко контрастировал со сгорбленными крестьянами, получерными от полученного во время полевой работы загара и въевшейся в кожу грязи. Если же возникал ропот, то восседающие на боевых конях феодалы моргенштернами вбивали в упрямые головы разъяснение, почему один начальник, а другой – Жак-Дурак.

Впрочем, ропот все же возникал достаточно часто, что время от времени влекло за собой крестьянские восстания. У последних, как правило, было две причины. Первая – феодалы не справляются со своими должностными обязанностями, и за это их надо было наказать. Примером такого восстания была «Жакерия», когда крестьян несколько утомили феодальные разборки Столетней войны. Вторая причина – ожидание грядущего светопреставления, во время которого, как ожидалось, последние должны были наконец стать первыми. Под этим девизом неоднократно проходили различные еретические выступления – от восстания Дольчино до Крестьянской войны в Германии.

Но на рубеже XV–XVI веков Европа вступила в полосу экономических, политических, научных и социальных революций. Опирающаяся на власть денег буржуазия бросила феодалам вызов. Революция в военном деле выбила из седла благородных всадников – копьями швейцарских ландскнехтов и мушкетами испанской пехоты. Стоимость жизни выросла, и дворянство, выколачивающее из подданных все новые и новые поборы для поддержания роскошного образа жизни, стало вызывать некоторое раздражение. Во многих странах феодальные режимы зашатались… но выжили – за исключением Нидерландов и Англии. Решение было найдено в абсолютизме – королевской диктатуре, проводимой в интересах класса феодалов. Последние лишились политической автономии на местах, но получили доступ к государственным пенси-

онам, ключевые посты на военной и гражданской службе – и, что самое главное, сохранили свои земельные владения.

С начала XVII века дворянин стал «универсальным менеджером» своего времени. Теоретически считалось, что он способен одинаково успешно занимать высшие посты как в армии, так и в государственном аппарате. В этом новом этом качестве феодалы достаточно успешно нашли свое место в быстро меняющемся мире. Образ храброго дворянина, идущего со шпагой впереди полка под ураганным огнем, был приемлем для всех. В накладе остались лишь тогдашние «либертарианцы» – другие, обделенные высочайшей милостью феодалы, мечтавшие о былых «вольностях», растоптанных кованным сапогом королевской тирании.

Новые перемены пришли в XVIII веке – их характер раскрывает французский фильм «Распутник», который вышел на экраны в девяностых годах. Согласно его сюжету группа аристократов прячет от королевской полиции энциклопедиста Дени Дидро, совмещая это благое занятие с раскованными сексуальными экспериментами. После просмотра сценок из жизни знающих толк в извращениях «милордов и месье» у зрителя появляется большое желание отправить эту компанию сибаритствующих бездельников на гильотину – даже несмотря на их героическое сопротивление кровавому режиму Людовика XVI. Надо сказать, что такой же точки зрения придерживалось и большинство французов. К тому времени высшая аристократия ассоциировалась у них с компанией бездельников и растратчиков государственной казны, а монополия дворянства на государственную службу и военные посты теперь уже только раздражала – ведь набравшей силу буржуазии давно хотелось порулить и повоевать самой. Увы, но в дворянстве перестали нуждаться – именно потому и оно отправилось на гильотину, совершать свой «прыжок щукой».

Впрочем, здесь надо заметить, что в некоторых самых отсталых регионах Франции феодалы продолжали выполнять на селе свои традиционные экономические и социальные функции, служа в армии, покровительствуя своему крестьянству и осуществляя задачи местных органов власти. Одним из таких регионов была знаменитая Вандея, где местные Хамы, под предводительством Симов и Иафетов, как встарь, восстали против безбожного режима в Париже. И, разумеется, были подавлены – причем с крайней жестокостью.

В течение каких-нибудь двух веков благородные рыцари в латах и камзолах канули в лету. На смену им пришли новые господа, которые сперва облачались во фраки и цилиндры, а сегодня перешли на более демократичные костюмы, несколько напоминающие одежду простолюдинов. Нельзя не признать, что поначалу новый правящий класс мог произвести впечатление – недаром старик Маркс посвятил буржуазии столько проникновенных строк. Мы видели талантливых изобретателей-Эдисонов, которые силой своего таланта совершали замечательные открытия и силой своей воли запускали их в производство. Упорные и работящие крестьяне-Третьяковы копили деньги и постепенно создавали текстильные империи. Банковские кредиты Ротшильдов двигали вперед народное хозяйство по всему миру, покрывая континенты сетью железных дорог и каналов.

Но капиталистическая система эволюционировала еще быстрее чем феодализм. Эпоха войн и революции начала XX века показала, что после определенного момента капиталисты не могут развивать свой бизнес без симбиоза с государством. Собрать автомобиль в гараже возможно – но построить баллистическую ракету можно только на уровне государственной производственно-экономической кооперации. Государство стало гарантировать вклады частных банков и обеспечивать предпринимателей инфраструктурой и заказами за бюджетный счет. Классический либеральный капитализм был заменен различными государственно-капиталистическими моделями, которые существуют везде и поныне.

Однако на этом этапе у капиталистов возникли серьезные проблемы с легитимацией своей экономической власти. Если вы получаете от государства кредиты, если государство обеспечивает вас заказами, если реальное управление предприятий осуществляют наемные

менеджеры, а капиталисты, как правило, только владеют пакетами акций, – то скажите, зачем вы, такие красивые, нам нужны? У феодалов с легитимацией было куда проще. Господь благословил дом Хлодвига или дом Рюрика на владение их землями до десятого колена – так же, как он благословил род Давида на царствование в Израиле. Ну а если этого мало, то мы вспомним упомянутую сказочку про Сима, Хама и Иафета. Но после Вольтера трудно серьезно рассуждать о том, что Господь благословил дом Мердоков или дом Потаниных на владение заводами, газетами и пароходами. Хотя заметим, что самые стабильные в политическом плане капиталистические режимы все равно возводят свою легитимацию к феодализму – как это имеет место в Великобритании.

Еще сложнее стало объяснять претензии правящего класса на власть в начале XXI века, когда началась эпоха господства финансового капитала. Инвестиции в производство стали приносить гораздо меньше прибылей, чем авантюрные финансовые спекуляции. А все риски и потери, как и прежде, компенсировались многомиллиардными вливаниями государства, отечески заботящегося о тех, кто «слишком велик, чтобы упасть». На беду, все это удачно совпало с ликвидацией «государства всеобщего благоденствия», на которое у современных правительств средств никогда нет – да и распад СССР лишил буржуазию необходимости задабривать плебс, чтобы он не пытался подсмотреть, что происходит за Берлинской стеной. А претензии банкиров и олигархов, требующих все больше и больше «свобод» для бизнеса при все меньшей ответственности перед обществом, растут сейчас с каждым днем.

В какой-то мере сегодня повторяется ситуация конца XVIII столетия, когда все больше и больше людей в развитых странах мира видят в правящей олигархии толпу паразитов, чьи функции сводятся к выкачиванию субсидий из государственного бюджета. Отдельные примеры «успешных» и креативных предпринимателей, вроде Билла Гейтса, Стива Джобса или Илона Маска, примечательны именно своей «уникальностью – да и она зиждется лишь на хорошей рекламе, не выдерживая на поверку никакой критики. Но и при феодализме было более чем достаточно историй успеха – от Жанны д'Арк и Жана Барта до Шафировых и Разумовских. Были тогда и феодалы-праведники, раздававшие все свое имущество бедным и уходившие в монастыри. А в нашей реальной жизни на одного талантливого бизнес-самородка приходится сотня гламурных детишек, которые блокируют своими лимузинами подъезды к ночным клубам. Трудно поверить, что кто-то – помимо восточноевропейских либералов, с их генетически рабской натурой – действительно может поверить в то, что эти наследники миллиардных состояний будут управлять банками, издательствами, шахтами более эффективно, чем квалифицированные специалисты из числа простых смертных?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.